Ценности в политике.
Опыт Польши и России
под научной редакцией
Богдана Шляхты и Анны Ях

Иоахим Дец

Нация как сомобытная ценность в российской политической мысли постсоветского времени

Понятие «нация» в российской политической мысли появилось сравнительно недавно – в конце XIX столетия и не употреблялось особенно часто. Раньше распространено было скорее понятие «народ», понимаемое как субъект социальных действий. Идея народа как политического и культурного субъекта появилась впервые в идеях славянофилов, которые считали его единственным хранителем православной традиции Святой Руси. Апофиоз народа намечался еще ярче в сочинениях левых партий и организаций, особенно в народнических очерках. В данном случае народ был скорее объектом политических действий, мотивированных чувством вины российского интеллигента. Понятие народа прошло далекий путь от синонима хранилища православной традиции до социальной группы (массы, которую надо освободить от гнета высших слоев, особенно дворянства, и, в первую очередь, от авторитарной монархической власти).

Но кто же довел Россию до такого положения? Кто расстроил и погубил народное благосостояние? Кто довел массу народонаселения до состояния нищенства и хронического голода? Кто задавил крестьянство «бременем непосильных» налогов и повинностей? Кто препятствовал развитию в народе грамотности, кто «поставил дурно» учебную часть? Кто водворил во всех отраслях общественного управления систему «хищения и всяческих злоупотреблений»? Кто наградил нас урядниками, становыми, исправниками и иными «блюстителями общественного спокойствия», не приносящими – по сознанию самих верноподданных – «ни малейшей пользы ни народу, ни государству»?

Кто – самодержавная, бесконтрольная, вездесущая и всемогущая власть «царя-батюшки». Ни один из верноподданных не может усомниться в этом факте, не перестав быть верноподданным[1].

Даже в сочинениях панслависткого лагеря с Николаем Данилевским во главе понятие нации употреблялось довольно редко. В ключевой главе библии панславизма – книге *Россия и Европа* Данилевский определяет культурно-исторический тип как «племя или семейство народов»[2].

Непосредственно к идеи нации относился Всероссийский национальный союз, национально-консервативная партия, возникшая 18 июня 1908 года как реакция на либеральные настроения в Государственной Думе. В 1916 году главный идеолог бывшего союза, Михаил Меньшиков издает *Письма к русской нации* (намек на известный текст Иоганна Фихте), где идея нации буквально представлена читающим кругам России как альтернатива антивоенной пропаганды. Павел Колесов не без оснований считает его первым в России теоретиком «этнического национализма»[3].

Классик русского национализма, Иван Ильин доходит до сосредоточения на русской нации как-то косвенно, начиная с борьбы против нападений со стороны большевистского или, в широком смысле, «левого» лагеря и, что еще важнее, со стороны западных авторитетов, считающих русских коренно имперской и рабской этнической группой, ответственной за деспотизм большевистского времени путем продолжения своих исторических традиций: «Русский народ объявляется большевиками "нацией угнетающей", "нацией шовинистической", "нацией великодержавной"»[4]. Нападения на русскую нацию привели к созданию национального самосознания, которое раньше находилось в личиночной стадии.

Отдельной ветвью скорее «российского» чем «русского» национализма стало евразийство. Эмиграционное направление в российской антизападной мысли, выдвинув идею России-Евразии как особенного континента, неожиданно создало новый тип национализма. Доктрина Николая Трубецкого, главного идеолога ранних евразистов, была единственной альтернативой коммунистического режима: «либо диктатура пролетариата, либо сознание единства и своеобразия многонародной евразийской

---

[1] П. Ткачев, *Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России*, [на сайте:] http://krotov.info/history/19/1880/1881tkac.html.

[2] Н. Я. Данилевский, Н. Яковлевич, *Россия и Европа*, [на сайте:] http://www.vehi.net/danilevsky/rossiya/05.html.

[3] П. Колесов, *Идеолог русского этнического национализма Михаил Меньшиков*, [на сайте:] http://statehistory.ru/979/Ideolog-russkogo-etnicheskogo-natsionalizma-Mikhail-Menshikov/.

[4] И. А. Ильин, *Основы государственного устройства. Проект основного закона России*, сост., пред. и прим. Ю. Т. Лисицы, [на сайте:] http://project03.ru/cod/03.php.

нации и общеевразийский национализм"[5]. Идеология нео-нации является одним из воплощений существенного для евразийства принципа идеократии. Даже если считать проект новой, «евразийской нации», эквивалента «советского народа», искусственным и неполноценным, он обнаруживает растущее значение национального принципа[6].

Хотя во времена Черной Сотни, Меньшикова, Ильина и евразистов понятие нации и появлялось в российском политическом дискурсе, оно еще не сталы общенародным и широко распространенным. Коммунистическое время, мягко говоря, не способствовало развитию националистической мысли. Она не процветела даже в эмиграциионных кругах. После смерти Ильина и первого поколения евразистов, в 50-е и 60-е годы русская националистическая интеллектуальная традиция практически не продолжалась.

Основные изменения появились вместе с появлением советского диссидентского движения консервативного лагеря, которое было связано с феноменом таких личностей, как самый известный эмигрант и лауреат нобелевской премии, Александр Солженицын и выдающийся математик – Игорь Шафаревич. Новый, традиционалистский национализм вырос на почве критики антикоммунистического диссидентства; появившийся в парижском издательстве YMCA PRESS сборник *Из-под глыб*[7], совмещающий тексты Мелика Агурского, Вадима Борисова, Евгения Барабанова, Федора Корсакова (псевд. Феликса Сетова), Александра Солженицына и Игоря Шафаревича стал альтернативой для идеологии либеральной и левой эмиграции и аналогичной группы противников режима на родине.

Издание сборника *Из-под глыб* стало новым началом в самоопредении русской нации после ее растворения в конструкте «советского народа», начались поиски идентичности, которые привели лагерь авторов сборника к определению нации как вечной ценности, осуществляющейся в конкретных обществах.

Вадим Борисов ставит перед русскими новое задание – найти свой национальный лик, соединяющий общество и позваляющий вернуться к идентичности, которая была потеряна на протяжении нескольких десятилетий[8]. Аналогичные задачи встречаются в сочинениях Солженицына, который отвергает болезненные формы национализма вроде великодержавного шовинизма и пытается свести усилия антикоммунистического

---

[5] Н. С. Трубецкой, *Наследие Чингизхана*, Москва 2000, [на сайте:] http://evrazia.info/article/91.

[6] Идею евразийской нации принимают также современные евразийцы, см.: Л. Ива, *Евразийская нация*, [на сайте:] http://iva-istina.narod.ru/07ncia/0nacia.html.

[7] *Из-под глыб. Сборник статей*, Paris 1974.

[8] В. Борисов, *Национальное возроздение и нация-личность*, [в:] *Из-под глыб...*, С. 200 и сл.

лагеря к восстановлению лучших традиций русского народа, в том числе – православия и к реабилитации ценностей, и образа жизни крестьянства[9].

Еще сильнее идея восстановления нации звучит в книгах и статьях Игоря Шафаревича, который в 70-е и 80-е годы боролся с русофобией в рядах русскоязычной эмиграции и внутреннего диссидентства. Шафаревич особенно критически относится к еврейскому элементу, который он считал неспособным к принятию русского миросозерцания[10]. После 1991 года Игорь Ростиславович стал своего рода старцем зрелой и научно обоснованной националистической мысли в России. Концепция нации, которую мы находим в книгах и очерках Шафаревича, опирается на вере в ее сверхинтеллектуальный характер. Нации обладают особенным свойством, благодаря которому человек преодолевает свои ограничения. В предисловии к опубликованному в 2003 году сборника он полагает, что:

> Принадлежность к нации дает человеку более высокие жизненные цели, помогает оторваться от «малых радостей» или, наоборот, совсем безрадостных трудностей жизни, способных полностью его поглотить, особенно в периоды, когда привычная жизнь резко ломается. Ведь вся известная нам история есть история не отдельных людей, а народов. И только через принадлежность к народу человек может ощутить себя участником грандиозного процесса истории. Его жизнь приобретает некоторую высшую осмысленность и ценность, ради которой он способен многим жертвовать недаром в войнах, как правило, руководители государств апеллируют к национальным чувствам народа, призывая его к жертвам – и обычно с успехом[11].

Переводя эти аргументы на более практический язык – суть понятия «нация» более глубока, нежели суть понятия «государство». Для Шафаревича каждое государство связано с каким-то народом. Он или вполне составляет страну или, по крайней мере, большинство населения. Государство немыслимо без «государствообразующей нации». В случае России такой совокупностью людей соединенных чувством общей судьбы является сила русской идентичности[12]. Идея нации, ответственной за строение государства, хотя в данном случае относится к великорусскому народу, имеет более общий характер. Шафаревич на самом деле не считает достаточно серьезной концепцию «универсального» государства, сплоченного лишь силой конституции и экономики. Так выражается уверенность, что даже крупные, многонациональные державы современ-

---

[9] Идеи высказанные, в частности, в известном очерке: А. С. Солженицын, *Россия в обвале*, Москва 2006.

[10] И. Р. Шафаревич, *Русофобия*, Москва 2005, С. 92 и сл.

[11] Тот же, *Русский народ в битве цивилизаций*, Москва 2003, С. 24.

[12] Тот же, *Зачем России Запад?*, Москва 2005, С. 301-302.

ного мира обязаны в большей степени своим государствообразующим нациям: кроме великорусского народа в России это напр. случай белых англосаксонских протестантов в США, англичан в Великобритании или народ Хань в Китае. Нация, определенная таким образом становится ценностью самой по себе, целью самобытной, которую следует достигать как условие – во-первых – человеческого самопонимания, а во-вторых – удачной государственности, опирающейся на единственный солидный социальный материал.

Аксиологизация нации, которая в работах классиков, главным образом Ивана Ильина, а в постсоветское время А. Солженицына и, прежде всего, И. Шафаревича, продолжалась другими умеренными идеологами классического национализма. Главной средой этого направления являются авторы связанные с журналом «Вопросы национализма». Главный редактор журнала, Константин Крылов, ясно определяет характеристику нации. Он полагает, что она является реальной общностью, имеющей свои интересы, не сводимые к интересам отдельных людей, групп, классов, что для самой нации ее интересы всегда важнее чем интересы людей и групп, не входящих в нацию и, что они реализуются в текущей политике. Как подчеркивает Крылов:

> На первом шаге «нации» приписывается существование, на втором – субъектность, на третьем эта субъектность объявляется верховной ценностью, а на четвертом эта ценность понимается как стремление к самоутверждению[13].

Проблема нации как объекта стремлений стала в кругу интеллектуалов «Вопросов национализма» предметом интересных рассуждений, которые в основном направлены против другого типа «патриотизма» в России, именно неосоветизма и других имперских идеологий. В важной для националистического дискурса в России книге Сергея М. Сергеева *Пришествие нации* рассматривается проблема «русизма» (этнического и культурного национализма) как более успешногй идеологии для современной России:

> И нельзя ли теперь, пост-фактум, признать, что распад СССР, при всех возможных оговорках, оказался благом для русских? Что современная Россия подводит под «русизм» гораздо более прочный социально-политический фундамент, чем оплакиваемый многими советско-союзный «рай»?[14]

Идеология умеренного «русизма», возрождения нации, без сомнений, практически пока не дождалась социального успеха. Татьяна и Валерий

---

[13] К. Крылов, *Нация как субъект конфликта*, «Вопросы национализма» 2010, № 3, С. 12.

[14] С. М. Сергеев, *Пришествие нации? Книга статей*, Москва 2010, С. 236.

Соловей замечают, что после 2000 года без особенных потрясений в стране русская национальная идентичность все-таки начала восстанавливаться. Однако, в политическом плане этот процесс не нашел конкретного воплощения. Причина этой неудачи интерпретируется авторами как внутреннее дело лагеря националистов, которые как-то не смогли использовать растущий социальный капитал[15]. Это буквальное обвинение лидеров и теоретиков националистского движения, которые оказались пока неспособными к тому, чтобы осуществить свои мечты и неосозданные стремления значительной части населения.

Объяснение несовершенности процесса политической «национализации» России можно, однако, объяснить иным способом, который тесно связан с главной проблемой наших рассуждений – с разным пониманием абсолютизации нации. Умеренное направление национализма в современной России, которое выдвинуло эту идею, оказалось далеко не единственным на идеологической сцене субъектом пользующимся именно такой схемой; оказалось, что она стала полезным орудием также для более радикальных мыслителей.

Идеи нации и «русизма» скоро стали главным компонентом доктрины некоторых организаций, с которыми большинство русских никак не хотело и не могло отождествляться не только потому, что они почти все были запрещены, но также из-за очевидных ассоциаций с нацизмом. Примером таких организаций может служить Народная Национальная Партия с Александром Ивановым-Сухаревским во главе. ННП явно пользуется символами напоминающими нацистские: белый флаг с черным крестом, инициация новых членов ночью, «четыре руны, обрамляющие крест Партии, означают, что каждый народ Белой общности должен блюсти свою чистоту и сохранять Традицию, переданную ему Предками»[16].

Лидеры ННП пользуются термином «русизма» аналогично Сергееву, но ассоциируют это понятие прежде всего с кровью и защитой племенной русской цивилизации белых европейцев. Особенно интересное объяснение этой точки зрения мы находим в опубликованной в 2001 году книге главного идеолога партии – Алексея Широпаева *Тюрьма народа*. Широпаев интерпретирует историю России с точки зрения интересов русской (варяжско-славянской) нации, которая подвергается постепенному уничтожению со стороны разных стихий. Это и еврейское по происхождению христианство, уничтожающее расовое начало; степные племена вроде печенегов и половцев, монгольское нашествие и унижающее иго, которое продолжалось благодаря политике «инородных» монархов. Самым

---

[15] В. Соловей, Т. Соловей, *Несостоявшаяся революция*, Москва 2011, С. 406 и сл., 520 и сл.

[16] *Символы русизма*, [на сайте:] http://www.nnpr.su/simwol.html.

травматическим опытом стал коммунистический период в истории России, когда еврейская по происхожедению власть большевиков физически уничтожала русскую нацию, остатки которой должны все-таки защитить святое зерно и восстановить северную Русь как расово-национальное государство. В книге Широпаева зло отождествляется с иноплеменностью, а нация, понимаемая как племенное наследие, с первостепенной обязанностью человека:

> Русские – перефразируя Д. Галковского – европейцы, втянутые в азиатскую историю. Их великая усталость царит на просторах России-Евразии. Слишком много сил, времени, крови они отдали чужим идеям, чужим властителям, чужому строительству. Многие мыслители, рассуждая о сроках исторического бытия этноса, называют тысячу лет. Похоже, русское тысячелетие истекло. Оно прожито для чужих. Мы принесли свое национальное начало в жертву молоху Евразийского государства. Выход у нас один: пока наша Кровь не испорчена окончательно, сплотиться вокруг немногочисленных активных арийцев – агентов Контрпроекта, рассеянных по лицу Орды-Хазарии-России, и начать борьбу за права угнетенного белого большинства[17].

Если рассуждения Широпаева имеют интересный социологический оттенок, в российской политической мысли начала XXI столетия существовали гораздо более упрощенные интерпретации доминирующей роли нации в аксиологической системе. Одной из них является идеология Славянского Союза с Дмитрием Демушкиным во главе. Акроним Славянского Союза посредственно ассоцируется с нацисткой формацией. И это же можно сказать о милитаристском характере организации Демушкина. Однако, надо отметить, что идеологию союза нельзя назвать шовинистской или разрушительной. Наооборот, Демушкин и его команда идеологически приближается к очень важной идее, которую можно найти также в работах серьезных классиков русского национализма, в том числе у Ильина и Шафаревича. Все дело в принципе многообразия жизненных форм, которое националистические мыслители приписывают мировому сообществу народов.

Национализм проповедует национальную исключительность для всех без исключения наций, не только для одной. Стоя на принципах уважения к своей нации, к её вере, культуре, истории, неминуемо и логично распространяет такое отношение на все остальные нации и их признаки. Одновременно мы имеем право что-то принимать и приветствовать или, напротив, что-то отвергать и с чем-то не соглашаться в облике и в образе жизни других наций. Но уважительное отношение при этом сохраняет-

---

[17] А. Широпаев, *Тюрьма народа. Русский взгляд на Россию*, Москва 2011, С. 139-140, [на сайте:] http://www.nationalism.org/shiropayev/tnar.pdf.

ся. Национализму ценен сам факт национального своеобразия, колорита и самобытности, и он всячески приветствует и отстаивает это. Не «обрусить» или «оправославить» – задача русской национальности, а только сохранить себя, сохранить тот мощный облик, который естественно сложился в веках и, который когда-то давал им победу. Если же проповедуется право на существование только одной (не важно какой – русской, корейской и т.д.) нации, а национальное своеобразие и уникальность других отрицаются, это уже в корне противоречит фундаментальным принципам Национализма. Это уже не Национализм, а обычная мезонтропия. Это патология[18].

Поиски закономерностей фунционирования нации как ценности самой по себе в политической мысли ведут окончательно к выводу, что ценность нации возникает в большой степени как последствие ощущения угрозы или, по крайней мере, чувства отчужденности от процессов протекающих в современном мире. Нация как ценность у умерших классиков и у современных появляется на престоле в ситуации национальной беды, разочарвания, ощущения потери. В начале XXI столетия бывшая травма распада империи и экономического краха уступила место травме «уходящей нации», которая опасается вытеснения кавказским или среднеазиатским элементом. Смотря на этот процесс с такой точки зрения можно сказать, что евразийство было реакцией на травму распада империи, а этнический национализм реакцией на пришествие Евразии.

Идеологии Народной Национальной Партии и Славянского Союза являются только некоторыми из многих примеров этой тенденции. Факт, что возможным стало объединение[19] нескольких националистских организаций, в том числе Славянской Силы (формации, которая возникла после делегализации Славянского Союза), РФО «Память», Русского имперского Движения, Национальной Социалистической Инициативы и соратников распущенного Движения Против Нелегальной Иммиграции, показал что националистические тенденции принимают в России довольно устойчивый характер. Это можно главным образом объяснить фактом, что славянское население страны все больше ощущает демографические изменения как угрозу для стабильности социальной и культурной жизни старны. Радикальные организации, чуствуя поддержку или по крайней мере некую симпатию изнутри русского этноса, пытаются расширять влияние несмотря на официальные запреты и судебные дела.

---

[18] Д. Демушкин, А. Демушкин, *Уроки русского национализма*, [на сайте:] http://www.demushkin.com/page3.php.

[19] Речь идет об Объединении «Русские», официальный сайт: http://dpni.org/articles/novosti_d/.

В российском националистическом дискурсе же особенно интересным кажется вопрос отношения идеи нации как самобытной ценности к идее демократии. Стереотипы, распрастраняемые в СМИ сводят национализм к нацизму или фашизму (с которым большинство русских националистов, кроме упомянутых радикалов, не имеет много общего) и таким образом противопоставляют его демократии. Однако, пришествие русизма, даже в так ранних проявлениях как очерки Солженицына, почти всегда относилось к потребности реального выражения воли народа. Сергеев ясно констатирует, что скорее «антитрадиционалистская глобализация, по существу своему, еще и антидемократична, ибо ориентирована на мировую транснациональную олигархию, следовательно, традиционалисты объективно заинтересованы не в свертывании демократических институтов, а напротив, в повышении их эффективности»[20].

Подводя итоги отметим, что в российском «патриотическом» дискурсе идеа «русизма» стала воплощением процесса абсолютизации нации. После разочарования либеральной демократией в 90-е годы ее вытеснила великодержавная ностальгия, важным примером которой стало неоевразийство. После этого идейного опыта и союза между лагерем властей и евразистами их оппонентом стал национализм, который, во-первых предоставляет реальную ценность; во-вторых, парадоксально, ссылается на демократические принципы и, в-третьих, отвечает на вызов современных социальных процессов.

Библиография

В. Борисов, *Национальное возроздение и нация-личность*, [в:] *Из-под глыб. Сборник статей*, Paris 1974.

Н. Я. Данилевский, *Россия и Европа*, [на сайте:] http://www.vehi.net/danilevsky/rossiya/05.html.

Д. Демушкин, А. Демушкин, *Уроки русского национализма*, [на сайте:] http://www.demushkin.com/page3.php.

Л. Ива, *Евразийская нация*, [на сайте:] http://iva-istina.narod.ru/07ncia/0nacia.html.

Из-под глыб. Сборник статей, Paris 1974.

И. А. Ильин, *Основы государственного устройства. Проект основного закона России*, сост., пред. и прим. Ю. Т. Лисицы, [на сайте:] http://project03.ru/cod/03.php.

[20] С. М. Сергеев, *Пришествие нации? Книга статей*, Москва 2010, С. 220.

П. Колесов, *Идеолог русского этнического национализма Михаил Меньшиков*, [на сайте:] http://statehistory.ru/979/Ideolog-russkogo-etnicheskogo-natsionalizma-Mikhail-Menshikov/.

К. Крылов, *Нация как субъект конфликта*, «Вопросы национализма» 2010, № 3, с. 7-23.

С. М. Сергеев, *Пришествие нации? Книга статей*, Москва 2010.

Символы русизма, [на сайте:] http://www.nnpr.su/simwol.html.

В. Соловей, Т. Соловей, *Несостоявшаяся революция*, Москва 2011.

А. С. Солженицын, *Россия в обвале*, Москва 2006.

П. Ткачев, *Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России*, [на сайте:] http://krotov.info/history/19/1880/1881tkac.html.

Н. С. Трубецкой, *Наследие Чингизхана*, Москва 2000, [на сайте:] http://evrazia.info/article/91.

И. Р. Шафаревич, *Зачем России Запад?*, Москва 2005.

И. Р. Шафаревич, *Русофобия*, Москва 2005.

И. Р. Шафаревич, *Русский народ в битве цивилизаций*, Москва 2003.

А. Широпаев, *Тюрьма народа. Русский взгляд на Россию*, Москва 2011, [на сайте:] http://www.nationalism.org/shiropayev/tnar.pdf.